

Ю.А. Петросян

**Возвращение к традиции: И.А. Орбели, А.Н. Кононов
и ленинградское академическое востоковедение
50–60-х годов прошлого века**

Российское востоковедение, зародившееся как компонент политики России на Востоке еще во времена Петра I, в XIX в. сформировало свои научные традиции. XIX век стал веком рождения значительных культурных ценностей, создавших тот особый облик российской культуры, который по сей день высоко ценится в мире. А востоковедная наука в России была всегда важной составной частью русской культуры, ибо изучала ее взаимодействие с культурными традициями и ценностями восточных народов в пределах России и за ее рубежами. Эта ее особенность определила характер процесса формирования научного востоковедения в России, подлинным центром которого стал созданный в 1818 г. Азиатский музей Академии наук.

Изучение культурных традиций восточных народов на базе собирания и исследования исторических и литературных письменных памятников этих народов стало с основанием Азиатского музея главным содержанием петербургского академического востоковедения. Усилиями российских ученых, путешественников, дипломатов и коллекционеров восточных древностей Азиатский музей в короткий срок превратился в научный центр собирания, хранения и изучения письменных памятников народов Востока мирового значения. К концу XIX в. музей, его сокровища и хранители приобрели мировую известность.

Научные традиции Азиатского музея сформировались в содружестве его немногочисленных ученых-хранителей, а также группы профессоров и преподавателей Восточного факультета Санкт-Петербургского университета и востоковедов Петербурга, работавших в других академических научных институтах, но профессионально более всего заинтересованных в изучении восточных рукописей, собранных в коллекции Азиатского музея. Именно в этой научной сфере сформировался важнейший принцип научной деятельности Азиатского музея — основополагающим в процессе познания исторического и культурного прошлого народов Востока является исследование дошедших до наших дней письменных памятников этих народов. Этот принцип был подтвержден трудами многих выдающихся востоковедов Петербурга, постоянно изучавших замечательные коллекции восточных рукописей Азиатского музея. К концу XIX в. музей превратился в одно из крупнейших в мире хранилищ восточных рукописей, имевшее устойчивые научные связи со многими рукописными и книжными хранилищами мира. В среде хранителей и читателей музея сформировалась атмосфера исключительного интереса к хранимым и изучаемым письменным памятникам, к их создателям и исторической среде их творчества.

С судьбой Азиатского музея связана научная деятельность самых выдающихся российских востоковедов XIX — начала XX в. Долгие годы сам музей возглавляли арабист Х.Д. Френ, иранисты Б.А. Дорн и К.Т. Залеман, индолог С.Ф. Ольденбург. В числе исследователей коллекций музея был арабист И.Ю. Крачковский, иранисты

Ф.А. Розенберг и Е.Э. Бертельс, кавказоведы Ю.Н. Марр и И.А. Орбели, китаист В.М. Алексеев и многие их коллеги и ученики. Их высочайший профессионализм сделал восточную текстологию одним из главных инструментов познания текстов, открывавших пути к познанию историко-культурных ценностей народов Востока, их культурных и религиозных традиций. Благодаря этому Азиатский музей в Петербурге стал центром притяжения всех российских востоковедов и многих их зарубежных коллег.

Как и вся Академия наук, Азиатский музей медленно и трудно входил в новые условия жизни России после революции 1917 г. В 1930 г. Азиатский музей был преобразован в Институт востоковедения АН. Сколь благими бы ни были помыслы реформаторов, стремившихся сделать советское востоковедение почти исключительно наукой о современном Востоке, их деятельность едва не привела к полной гибели традиций Азиатского музея. Судьбу научных учреждений, их тематики и планов ученых в эту пору решали эксперты из соответствующих партийных и государственных ведомств, которые определяли актуальность научной деятельности в плане практической политики. Неудивительно, что круг тем и проблем классического востоковедения, ориентированных на комплексное исследование историко-культурного прошлого стран и народов Востока, не получал должной поддержки в исследовательских программах востоковедных научных центров в 30–40-е годы XX в., в частности и в планах и программах Института востоковедения, унаследовавшего все рукописные и книжные фонды Азиатского музея, но не придававшего должного внимания его замечательным научным традициям. И все же группе подлинных энтузиастов, в числе которых были ученые с мировым именем И.А. Орбели и И.Ю. Крачковский, Н.В. Пигулевская и А.И. Кононов, Е.А. Бертельс и Ю.Н. Марр, В.М. Алексеев и Н.И. Конрад, их ученики и ближайшие коллеги, удалось сохранить довольно тонкую нить, связывавшую упраздненный Азиатский музей с отечественным востоковедением постреволюционной России. Будучи людьми подлинной учености, они своим существованием не позволили угаснуть научному и культурному очагу Азиатского музея, оберегали его бесценные фонды и творческий дух. Их научная деятельность позволила в непростых условиях сохранить научные традиции Азиатского музея, которым судьба готовила в 50–60-х годах, пору «хрущевской оттепели», неожиданное возрождение отечественных традиций исследования истории и культуры Востока.

К этому этапу развития отечественного востоковедения хранители традиций Азиатского музея шли через исключительные трудности. Начиная с 1948 г. Институт востоковедения в Ленинграде был подвергнут жесточайшей критике со стороны ряда сановных московских востоковедов за якобы имеющую место аполитичность научных программ и пренебрежение изучением Востока современного. Все это вскоре вылилось в персональную травлю ряда крупных востоковедов Ленинграда. В космополитизме были обвинены И.Ю. Крачковский, А.А. Фрейман, В.М. Алексеев и ряд их коллег и учеников. В 1951 г. Институт востоковедения был переведен в Москву, причем перевод сопровождался кадровой чисткой.

В результате ленинградское академическое востоковедение могло вполне, по тем временам, в организационном плане прекратить свое существование. Ученых и их будущее в науке спасли те самые рукописные коллекции, изучение которых было делом жизни многих ленинградских востоковедов. Перевезти коллекции в Москву — а такие планы существовали у некоторых вершителей судеб советских востоковедов — до начала «хрущевской оттепели», которая как бы вернула права гражданства востоковедам-классикам, не удалось. В итоге московскому руководству Института востоковедения пришлось смириться с существованием в Ленинграде Сектора вос-

точных рукописей Института, на который легла нелегкая обязанность сохранять неисчислимы́е рукописные богатства. В 1951–1956 гг. небольшой коллектив сектора, которым руководил Д.И. Тихонов, начал важную работу по каталогизации фондов, подразумевая перспективные издания каталогов коллекции. В составе сектора были и крупные ученые, занимавшиеся не только хранительской, но и исследовательской работой. В их числе были А.Н. Кононов и Н.В. Пигулевская, В.И. Беляев и В.С. Воробьев-Десятовский, И.П. Петрушевский и Н.Д. Миклухо-Маклай. Эти люди еще помнили другие времена и в определенной мере были живым связующим звеном старого дореволюционного востоковедения. Они были людьми книги, текста, видевшими в слове источник откровения и передатчик всякого знания. Эти ученые-востоковеды не утратили связи с ценностями русской культуры, неотъемлемой частью которой было классическое востоковедение. Естественно, что они тяжело переживали годы разрыва с традицией дореволюционного русского академического востоковедения. Судьба распорядилась так, что деятельность этих ученых в составе Сектора восточных рукописей подготовила почву для восстановления научной традиции Азиатского музея, начало которому было положено созданием Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР в 1956 г. Сотрудники Сектора восточных рукописей сумели сохранить преемственность в деле исследования восточных текстов к моменту создания отделения. Во всяком случае первые шаги в деле подготовки научных каталогов коллекций восточных рукописей были сделаны в начале 50-х годов Н.Д. Миклухо-Маклаем, Д.И. Тихоновым, Л.С. Пучковским, А.М. Мугиновым, Р.Р. Орбели, О.П. Петровой, З.И. Горбачевой. Эти первоклассные востоковеды, занимаясь важной хранительской работой, сделали многое для изучения и публикации рукописей из институтской коллекции, а также для исследования истории и культуры народов Востока в эпоху древности и средневековья.

Следующий этап в жизни ленинградского академического востоковедения связан с деятельностью выдающегося российского востоковеда, академика И.А. Орбели, который возглавил новое Ленинградское отделение ИВ АН СССР.

Иосиф Абгарович был уже немолод, через год после назначения ему исполнилось 70 лет. И в этом возрасте он взялся за сложнейшую работу по воссозданию ленинградского академического востоковедческого центра. Но И.А. Орбели обладал характером человека, умеющего преодолевать трудности. Что касается его учености и деловых качеств, то к моменту его вступления в новую должность он был известен как выдающийся востоковед-кавказовед и иранист, талантливый текстолог, археолог и культуролог и крупный организатор науки.

Профессор Восточного факультета Петербургского университета, руководитель и участник ряда археологических экспедиций с выдающимися научными результатами, исследователь армянской, грузинской и персидской литературы, курдского языка, с 1934 по 1952 г. И.А. Орбели был директором Государственного Эрмитажа, где проявился его талант ученого и организатора. Эти его качества сыграли большую роль и когда И.А. Орбели занял пост первого президента Академии наук Армянской ССР (1943–1947).

Но есть одна черта И.А. Орбели, которая сделала его имя притягательным для его современников и достойным подражания для всех, кто продолжает трудиться в тех областях востоковедного знания, которым отдал свой талант этот блестящий ученый. Эта черта характера может быть кратко охарактеризована так: этот человек всю жизнь был поистине одержим жаждой нового и умел внушить это чувство окружающим. Именно это качество позволило ему стать создателем многих новых научных коллективов, подлинным генератором идей во многих областях востоковедения.

И.А. Орбели был назначен заведующим Ленинградским отделением ИВ АН СССР в октябре 1956 г. Со свойственной ему энергией и увлеченностью новым делом он взялся за формирование структуры отделения и, что он полагал особенно важным, его научного коллектива. И действительно, Иосиф Абгарович в кратчайший срок сумел создать на базе небольшого Сектора восточных рукописей новый научный коллектив, смело сделав ставку в деле создания нового ленинградского академического научного центра на молодежь. Надо отметить, что в этой своей работе новый руководитель смог опереться на поддержку и понимание ряда крупных востоковедов старшего поколения — сотрудников нового отделения В.В. Струве, Н.В. Пигулевской, А.Н. Кононова, В.М. Штейна, В.И. Беляева, Н.Д. Миклухо-Маклая. В процессе формирования нового коллектива И.А. Орбели помогали в выборе специалистов из числа своих младших коллег и учеников многие профессора и преподаватели Восточного факультета ЛГУ, а также сотрудники отдела Востока Эрмитажа.

Надо заметить, что И.А. Орбели в начале 1957 г. встал перед выбором — или постепенно подыскивать и приглашать на работу опытных ученых старшего поколения, или начать быстрыми темпами формировать новый научный коллектив за счет молодых выпускников Восточного факультета. И.А. Орбели проявил мудрость при решении этой дилеммы, используя обе возможности поиска кадров для отделения. На работу были приглашены ряд известных востоковедов старшего поколения. Однако главную ставку заведующий отделением сделал все же на молодежь. В течение трех лет (1957–1959) И.А. Орбели ежегодно принимал на работу в отделение по 20–25 молодых специалистов из числа выпускников Восточного факультета как текущего года, так и предшествующих, когда способные молодые люди не смогли найти работу по специальности, что в то время не было редкостью. Сейчас, конечно, трудно оценить уровень профессиональной подготовки тех, кто был взят на работу в отделение в эти годы. Всего в штат было взято около ста востоковедов разных специальностей. Многие из них впоследствии стали учеными с мировым именем. Но особенно важно было то, что среди новых сотрудников отделения почти не было людей, не способных к творческой работе. Иосиф Абгарович, очевидно, обладал фантастическим чутьем на таланты, и, наверное, именно поэтому ему удалось в невероятный короткий срок — 3–4 года — создать не просто научный коллектив, а собрать под крышей отделения ученых-энтузиастов. Время показало, что сделанная И.А. Орбели ставка на молодежь себя полностью оправдала.

Новый заведующий решил и существенную организационную проблему. Он произвел деление коллектива на кабинеты страноведческого характера. Это позволило в короткий срок организовать планирование работы нового коллектива. Первоначально были организованы кабинеты Арабский, Индийский, Иранский, Дальнего Востока и Тюрко-монгольский, а также несколько групп — Семитологии, Ассириологии и смежных дисциплин и Киргизская. В течение нескольких лет, с 1957 по 1964 г., эта структура совершенствовалась и приобрела следующий вид: Арабский кабинет, Ближневосточный кабинет, Древневосточный кабинет, Индийский кабинет, Иранский кабинет, Кавказский кабинет, Китайский кабинет, Курдский кабинет, Японский кабинет, а также группы — Бирманская, Древневосточной филологии, Корееведения, Описания и публикации рукописей и ксилографов дальневосточных фондов. Кабинетами и группами руководили авторитетные ученые, в их числе были А.И. Кононов, В.В. Струве, Н.В. Пигулевская, И.М. Дьяконов, И.П. Петрушевский, В.М. Штейн, В.И. Беляев, В.М. Бескровный. Эти выдающиеся востоковеды смогли в короткий срок так организовать работу своих учеников и младших коллег, что их исследовательские программы охватили широкий круг проблем истории и истории культуры народов Востока, их письменного наследия. С 1959 г. начался заметный рост научной

продукции коллектива отделения, а с начала 60-х годов сотрудники отделения стали в плановом порядке подготавливать и научно-популярные книги. С 1962 г. в ЛО ИВ начал работать лекторий, в котором регулярно читались лекции по истории и культуре народов Востока, которые привлекли большое число слушателей.

Уже в 1958–1959 гг. было очевидно, что расширение исследовательской работы сотрудников отделения является совершенно реальной перспективой ближайших лет. Очень скоро стало ясно, что в ленинградское академическое востоковедение пришли новые люди, для которых изучение письменных памятников и культуры Востока было желанным делом всей жизни. Эти люди знали, как исследовать тексты, хорошо понимали значение текстологии в контексте комплексного исследования истории культуры Востока. В первые же годы работы отделения их научная деятельность имела определенные результаты, и потому они с нетерпением, хорошо понятным любому ученому, ждали возможности публикации своих научных изысканий. Да и в Архиве востоковедов ЛО ИВ АН давно ждали своего часа бесценные рукописи умерших или погибших востоковедов-классиков. Среди них были и работы гениального тангутоведа Н.А. Невского.

Коллектив отделения и его заведующий стали перед проблемой своевременной публикации трудов ученых-сотрудников отделения. Обстоятельства сложились так, что и эта проблема была вскоре решена. Уже в 1958–1959 гг. в Ленинград не раз приезжал директор созданного в 1957 г. издательства «Восточная литература» О.К. Дрейер.

Олег Константинович Дрейер сыграл огромную роль в судьбах ленинградского академического востоковедения 50–60-х годов, как, впрочем, и в последующие годы, вплоть до своего ухода с поста директора издательства в 1992 г. Но 50–60-е годы были особенными для совместной работы коллектива отделения и издательского редакционного коллектива. Именно в эти годы сформировались многие издательские серии, а коллектив редакторов, который был очень удачно подобран О.К. Дрейером из числа московских востоковедов, создал атмосферу дружеского сотрудничества с ленинградскими востоковедами-авторами, которая сохранялась долгие годы и, думаю, сохраняется и в наши дни.

Когда в самом конце 50-х годов О.К. Дрейер впервые посетил ЛО ИВ АН, ленинградские востоковеды уже знали, что по инициативе и благодаря огромным деловым связям в мире партийных и государственных чиновников нового директора ИВ АН Б.Г. Гафурова, который долгое время был первым секретарем ЦК КП Таджикистана, было принято решение высоких инстанций о создании специализированного востоковедного издательства. Для востоковедов это была радостная неожиданность, по обстоятельствам того времени они об этом даже не могли мечтать.

Значительную часть времени, проведенного в этот период в Ленинграде, О.К. Дрейер посвятил беседам с академиком И.А. Орбели. Именно в них родились издательские проекты, отражающие творческие возможности российского классического востоковедения. Известно, что И.А. Орбели был великолепным генератором новых идей в востоковедении. И эта черта его творческих возможностей существенно влияла на обсуждение проблем сотрудничества ленинградских востоковедов и нового издательства. Будучи разносторонне образованным человеком и хорошо понимая роль историко-культурного наследия в жизни общества, О.К. Дрейер в этих беседах с И.А. Орбели главное внимание уделял роли издательства в публикации трудов востоковедов-классиков, в том числе работ, хранящихся в Архиве ЛО ИВ АН. Особая значимость этих встреч и бесед И.А. Орбели и О.К. Дрейера проявилась при решении вопроса о публикации текстов и переводов наиболее ценных литературных и исторических памятников из ряда коллекций научных учреждений СССР, в первую

очередь богатейшей коллекции восточных рукописей ЛО ИВ АН. Так на рубеже 50–60-х годов началась публикация издательских серий «Памятники литературы народов Востока» и «Памятники письменности Востока». Издание этих серий стало важным событием в мировом востоковедении.

Другим весьма важным результатом бесед и сотрудничества И.А. Орбели и О.К. Дрейера стало решение об издании трудов покойных выдающихся востоковедов, сохранившихся в Архиве востоковедов ЛО ИВ АН. В кратчайший срок были подготовлены к изданию книга замечательного ученого Н.А. Невского «Тангутская филология» и выдающегося китаевода Ю.К. Щуцкого «Китайская классическая „Книга перемен“». Обе эти работы были поразительно быстро опубликованы издательством «Восточная литература». Эти издания стали событием в советском и мировом востоковедении, важным стимулом и обоснованием восстановления исследовательских программ в таких областях классического востоковедения, как дешифровка древних текстов и текстологические исследования восточных письменных памятников, а также их литературоведческое и лингвистическое исследование. И когда в 1962 г. труд тангутоведа Н.А. Невского был удостоен Ленинской премии, положение классического востоковедения и его исследовательских программ в Академии наук и в среде курирующих науку партийных чиновников заметно изменилось к лучшему. Что же касается реакции ученых-востоковедов в России и за ее пределами, то, когда в востоковедных библиотеках мира появились книги Н.А. Невского и Ю.К. Щуцкого, специалистам стало ясно — российское классическое востоковедение вновь набирает силу и демонстрирует верность своим традициям.

Почти одновременно с публикацией выдающихся работ востоковедов прошлого И.А. Орбели и О.К. Дрейер решили начать выпуск первых публикаций памятников восточной письменности из коллекции института. Группа ученых, в основном из числа новых молодых сотрудников, продемонстрировала высокий профессионализм и ответственность, в кратчайший срок подготовив факсимильные издания ряда уникальных арабских (П.А. Грязневич и А.Б. Халидов), персидских (Н.Д. Миклухо-Маклай, Ю.Е. Борщевский), турецких (Ю.А. Петросян и А.С. Тверитинова), японских (В.Н. Горегляд) и корейских (Д.Д. Елисеев, М.И. Никитина, А.Ф. Троцевич) письменных памятников.

Так начали действовать серии, и в первых же публикациях издательство сумело обеспечить высокое качество редакторской работы и полиграфии. Немаловажным было и то обстоятельство, что институт готовился к Международному конгрессу востоковедов в Москве в 1960 г. Вклад ленинградских востоковедов в сложную работу по подготовке конгресса оказался весьма весомым.

Большинство сотрудников отделения активно участвовали в работе конгресса в Москве в качестве как докладчиков, так и организаторов работы различных секций конгресса. Сотрудники ЛО ИВ — участники конгресса несколько раз совершали полеты в Ленинград, сопровождая делегации гостей конгресса из республик СССР и иностранных ученых-востоковедов. Конгресс стал прекрасной школой международных научных контактов для молодого коллектива ЛО ИВ. Особенно полезным было общение с участниками конгресса в Ленинградском отделении, где наши гости с большим интересом знакомились с богатейшими рукописными и книжными фондами.

Оценивая деятельность И.А. Орбели на посту заведующего ЛО ИВ АН, нельзя не отметить, что он пользовался неизменной поддержкой директора института Б.Г. Гафурова. Этот крупный партийный деятель был увлечен историей, в частности историей своего таджикского народа. Его приход на пост директора ИВ АН в 1956 г. стал для востоковедов-классиков буквально подарком судьбы. Никто не ждал от партийного деятеля особой поддержки востоковедов-классиков, но неожиданно для мно-

гих новый директор стал активно поддерживать исследования в ряде областей именно классического востоковедения. Скоро стало ясно, что Б.Г. Гафуров по своему воспитанию и мироощущению испытывает особое почтение к древней рукописной книге вообще и к мусульманской в особенности. Приезжая в Ленинград, он с неподдельным интересом обсуждал с И.А. Орбели и его коллегами перспективы изучения и издания уникальных памятников письменной культуры различных народов Востока.

Отмечая бурный рост востоковедения в России в 60-х годах прошлого века, нельзя не заметить очевидный успех совместной деятельности отделения и издательства. Крепкая деловая дружба ленинградских востоковедов и коллектива издательства восточной литературы создали условия, при которых уже в 60-е годы ежегодно публиковалось 15–20 книг, подготовленных сотрудниками ЛО ИВ АН. В мировом востоковедении заговорили о быстром восстановлении творческих возможностей традиционного очень сильного питерского востоковедного центра, который с каждым годом укреплял свои силы и расширял творческий диапазон.

Вспоминая успешное развитие ленинградского академического востоковедения в конце 50-х — начале 60-х годов, необходимо отметить в этом развитии особую роль трех достаточно разных людей. Так случилось, что в эти годы поворот в судьбе отечественного классического востоковедения осуществляли, объединив свои усилия, сугубо беспартийный востоковед-классик И.А. Орбели, очевидно партийный историк Б.Г. Гафуров и тонкий интеллигент О.К. Дрейер. Благодаря совместной деятельности этих очень ярких людей наше востоковедение, в том числе и ленинградское, развивалось именно в результате постоянного поиска взаимопонимания и сотрудничества людей разных судеб и взглядов. Уверенно можно говорить о том, что И.А. Орбели, Б.Г. Гафуров и О.К. Дрейер сыграли исключительную роль в создании той профессиональной и человеческой атмосферы, которая позволила востоковедам Ленинграда и Москвы подтвердить в эти годы былую славу российского востоковедения и доказать, что у него очевидно большое будущее. Именно поколение востоковедов этих лет и их ученики вернули российскому классическому востоковедению его силу и славу, сделав важные шаги в направлении его реальной интеграции в мировое востоковедение.

Одним из деятельных участников процесса восстановления традиций ленинградского востоковедения был известный ученый-тюрколог А.Н. Кононов, которому суждено было возглавить ЛО ИВ АН в 1961 г. после ухода из жизни И.А. Орбели. Академик А.Н. Кононов почти полвека работал в востоковедении как ученый, педагог и организатор науки. Всю свою творческую жизнь он был связан с Институтом востоковедения и Восточным факультетом ЛГУ, где многие годы заведовал кафедрой тюркской филологии и несколько лет был деканом факультета. А.Н. Кононов был признанным главой советских тюркологов, много делавшим для их объединения в рамках регулярных тюркологических конференций, которые с успехом проходили в Ленинграде в 60–70-х годах. Он многие годы возглавлял Советский комитет тюркологов. Диапазон его научных интересов был очень широк — исследование грамматического строя тюркских языков, текстологические изыскания в области тюркологии, а также изучение истории отечественного востоковедения.

Высокую оценку специалистов в нашей стране и за ее пределами получили фундаментальные работы А.Н. Кононова по грамматике турецкого и узбекского языков, его исследования и публикации сводных текстов сочинений Алишера Навои «Возлюбленный сердце» и Абу-л-Гази хана «Родословная туркмен».

Но этот простой перечень научных заслуг А.Н. Кононова не удовлетворит тех, кто лично знал его, работал с ним, учился у него. Для тех, кто близко знал А.Н. Кононова, очевидно, что определяющим его качеством как человека и ученого была под-

линная влюбленность в тюркологию, ставшую делом всей жизни. Наконец, для А.Н. Кононова была характерна увлеченность всем, что имеет отношение к культурной истории человечества. Для него исследования языков и письменных памятников всегда были одним из инструментов познания человеческой культуры.

Таков был этот замечательный востоковед, который взял на себя ответственность за судьбу ЛО ИВ АН и продолжение начатой И.А. Орбели работы по восстановлению и развитию традиций классического востоковедения.

Андрей Николаевич, к сожалению, лишь два с половиной года руководил коллективом ЛО ИВ АН. Здоровье вынудило его оставить свой пост уже в 1963 г. Но за этот сравнительно небольшой отрезок времени обширные познания в востоковедении и сильный характер позволили ему оставить заметный след в судьбе ЛО ИВ АН.

А.Н. Кононов был человеком принципиальным и в целом несклонным к компромиссам. Его отличала редкая способность решать крупные проблемы на принципиальной основе. За его внешней сдержанностью и даже некоторой суровостью скрывался человек с очень добрым сердцем, готовый к сопереживанию и состраданию. Он близко к сердцу принимал те или иные трудности своих коллег и учеников, всегда готов был им помочь или поддержать. В коллективе ЛО ИВ его глубоко уважали и дорожили его пребыванием на посту заведующего. Для молодого коллектива ЛО ИВ АН был в высшей степени важен его опыт востоковеда-текстолога и великолепного знатока истории востоковедения.

А.Н. Кононов успел за короткий срок руководства ЛО ИВ сделать многое для обеспечения хранения, описания и публикации рукописей из замечательной коллекции института. Очень важным было создание А.Н. Кононовым Методического бюро по описанию рукописей. Андрей Николаевич постоянно лично участвовал в работе бюро, в частности в разработке принципов описания рукописей и подготовке каталогов к печати. Почти все молодые рукописники ЛО ИВ смогли получить в заседаниях бюро крайне нужные для работы знания и навыки. Под руководством А.Н. Кононова в короткий срок была составлена программа публикации наиболее ценных текстов исторических и литературных памятников народов Востока из нашей коллекции. Вообще, А.Н. Кононов уделял много внимания перспективному планированию. Наконец, новый заведующий обеспечил регулярную работу Ученого совета отделения, ставшего центром обсуждения докладов по важнейшим научным и научно-организационным проблемам.

Семь лет, в течение которых коллектив отделения в его творческих поисках направляли такие выдающиеся ученые, как И.А. Орбели и А.Н. Кононов, который при жизни Иосифа Абгаровича несколько лет был его заместителем и всегда был его единомышленником, являются одной из самых ярких страниц в истории востоковедения. Не будет преувеличением сказать, что дальнейшее развитие ленинградского востоковедения в 70–80-е годы прошлого века проходило в рамках тех правил и принципов работы, которые были сформированы при И.А. Орбели и А.Н. Кононове, и в той высокой нравственной атмосфере, которую создали эти замечательные ученые.

И конечно же, одним из важнейших достижений востоковедов этого периода стало восстановление традиции петербургской школы восточной текстологии и расширение сферы деятельности наших текстологов. Чтобы оценить масштаб и значимость проделанной текстологами в 50–60-х годах работы, достаточно вспомнить основные ее результаты.

Начавшаяся в эти годы масштабная каталогизация и описание фондов рукописной коллекции дали свои первые результаты. Были опубликованы: в 1964 г. краткий алфавитный каталог персидских и таджикских рукописей (составители — О.Ф. Акимускин, В.В. Кушев, Н.Д. Миклухо-Маклай, А.М. Мугинов, М.А. Салахетдинова), в

1965 г. «Описание маньчжурских рукописей» (М.П. Волкова), список тангутских рукописей и ксилографов в 1963 г. (З.И. Горбачева, Е.И. Кычанов), первый выпуск «Описания тюркских рукописей» в 1965 г. (Л.В. Дмитриева, А.М. Мугинов, С.Н. Муратов), «Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда» в 1963–1967 гг. (под руководством Л.Н. Меньшикова), каталог арабских рукописей, вып. 1–2, в 1960–1965 гг. (А.И. Михайлова, А.Б. Халидов), несколько выпусков «Описания японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг» в 1963–1969 гг. (О.П. Петрова, Г.Д. Иванова, В.Н. Горегляд).

Значителен был и результат в области публикации текстов письменных памятников. Среди изданных текстов, вводящих в науку новые важные данные, были уникальные памятники на арабском языке — анонимное историческое сочинение начала XI в., содержащее изложение истории аббасидского движения (подготовил издание П.А. Грязневич, 1960 г.), а также издание уникальной Мансуровой хроники — сочинения XIII в., представляющего собой изложение истории народов и стран мусульманского мира до начала XIII в. (П.А. Грязневич, 1960 г.). Было осуществлено издание «Книги стоянок и жилищ» — уникального текста сочинения сирийского автора XII в. Усамы Ибн Мункыза — ценнейшей антологии арабской поэзии (А.Б. Халидов, 1961 г.). Иранисты подготовили трехтомное издание уникальной рукописи памятника персидской историографии XVIII в. — «Мироукрашающей Надировой книги» (Н.Д. Миклухо-Маклай, 1960–1966 гг.). Тюркологи осуществили издание текста уникального турецкого исторического сочинения XVII в. — хроники Хюсейна (Ю.А. Петросян, А.С. Тверитинова, 1961 г.). Курдоведы подготовили издание критического текста курдской поэмы XVIII в. «Мам и Зин» (М.Б. Руденко, 1962 г.). Японоведы ЛО ИВ осуществили в этот период издание ценных памятников японской письменности. Был издан полный русский перевод «Записок от скуки» Кэнко-хоси, одного из наиболее известных памятников японской литературы середины XIV в. (В.Н. Горегляд, 1970 г.). Был опубликован текст рукописи тетради «Канкай ибун», одного из первых японо-русских словарей (В.Н. Горегляд, 1961 г.). Наша маньчжуристика пополнилась изданием редчайшего образца маньчжурской литературы — «Предание о нишанской шаманке» (М.П. Волкова, 1961 г.). Корееведы ввели в науку ценные тексты памятников корейской литературы. Была издана антология корейской средневековой лирической поэзии (Д.Д. Елисеев, 1960 г.), а также известный памятник корейской прозы «Краткая повесть о Чхунхян» (А.Ф. Троцевич, 1968 г.).

За этим кратким перечнем основных результатов работы текстологов ЛО ИВ в 50–60-х годах стоит сложнейшая работа по выявлению уникальных или редких текстов литературных и исторических памятников, требующая высочайшего профессионализма, подготовка публикации этих текстов. Можно сказать, что молодой коллектив текстологов ЛО ИВ успешно сдал в те годы экзамен на профессиональную зрелость и показал, что наследники текстологов Азиатского музея готовы сохранять и развивать его замечательные традиции.

Весь перечень научных результатов сотрудников ЛО ИВ в эти годы за пределами работы рукописников занял бы много десятков страниц. Востоковеды ЛО ИВ углубленно исследовали самые различные вопросы истории и культуры всех народов Востока. Традиционно в Петербурге–Ленинграде были сильные научные программы востоковедов-древневосточников. Продолжая традиции российского востоковедения в этой области, группа наших египтологов — В.В. Струве, Ю.Я. Перепелкин, И.Г. Лившиц опубликовали ряд значительных работ в области истории Древнего Египта. Ассириологи — И.М. Дьяконов и М.А. Дандамаев ввели в научный оборот новые сведения об истории древнего Двуречья. Известный историк Н.В. Пигулевская и ее ученики достигли важных результатов в области сириологии. Значительный комплекс иссле-

дований по проблемам истории культуры древнего и средневекового Китая выполнили китаеведы — В.В. Штейн, О.Л. Фишман, Б.Б. Вахтин, Ю.Л. Кроль и тангутовед Е.И. Кычанов. Успешно изучали тибетскую культуру и литературу средневекового Тибета М.И. Воробьева-Десятовская и Л.С. Савицкий. В сфере исследований индологов выделялись изучение и публикация важнейших памятников индийской культуры — Артхашастры и Махабхараты (В.В. Кальянов). И.П. Петрушевский осуществил исследование важнейших проблем истории и культуры средневекового Ирана.

Определенный итог работы коллектива ЛО ИВ за десятилетие (1957–1966) был подведен в заседаниях бюро Отделения истории АН СССР в ноябре 1966 г. и Президиума АН СССР в марте 1967 г. В этих заседаниях были рассмотрены результаты изучения культурного наследия Востока по письменным памятникам коллекции ЛО ИВ, проводимого востоковедами этого научного коллектива. Бюро Отделения истории отметило важное значение проделанной работы, а Президиум АН СССР дал высокую оценку работе по исследованию и публикации памятников восточной письменности.

Все изложенное выше убедительно свидетельствует о том, что в 50–60-е годы прошлого века ленинградское академическое востоковедение переживало полосу творческого подъема и организационного укрепления. Произошел не только возврат к традициям Азиатского музея, но и очевидное развитие этих традиций на базе новых возможностей восточной текстологии и исследований истории и культуры народов Востока в эпоху древности и средневековья. Без преувеличения можно считать, что в этот период истории нашего востоковедения были заложены те творческие и организационные основы, которые обеспечили ленинградско-петербургскому академическому востоковедению устойчивое успешное развитие на протяжении полувека, а также достойное место в мировом востоковедении.

Summary

Yu.A. Petrosyan

Returning to Tradition: I.A. Orbeli, A.N. Kononov and the Leningrad (St. Petersburg) Academic Oriental Studies in the 50–60s of the Last Century

The present article shows that the Leningrad (St. Petersburg) academic Oriental studies in the 50–60s of the last century experienced a period of growth and organizational strengthening. Not only the traditions of the Asiatic Museum had been revived then, but one could also observe their further development on the basis of new research in the field of Oriental textology, culture and history.